

УДК 340: 340.11

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ:
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Е. С. Дерябина

Пермский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 16 июля 2018 г.

Аннотация: основной целью исследования является обоснование возможности применения системной методологии в процессе изучения отечественного государства и права как в условиях стабильной исторической ситуации, так и переходной. В связи с этим обращается внимание на наличие важного свойства любой системы, в том числе общественной – релятивности. Делается вывод, что общественная система, наделенная свойством релятивности, при определенных обстоятельствах позволяет вызреть внутри самой себя и ее подсистемах (в частности, государственно-правовой надстройке) несистемным элементам. В условиях смены общественных систем складывается особый механизм функционирования государственно-правовой надстройки, что позволяет говорить о необходимости выделения как общих, так и особенных типологических черт государства и права переходного периода в истории России новейшего времени.

Ключевые слова: общественная система, тип государства, системная методология, системность, несистемность, межсистемность, целостность, релятивность, переходный период.

Abstract: the possibility of applying the system methodology in the process of studying the domestic state and law, both in a stable historical situation and in transition, is considered and justified. Attention is drawn to the presence of an important property of any system, including public – relativity. It is concluded that the social system, endowed with the property of relativity, under certain circumstances allows to mature non-system elements within itself and its sub-systems (in particular, the state-legal superstructure). In the context of changing social systems, a special mechanism of functioning the state-legal superstructure is formed, which makes it possible to talk about the need to identify both general and special typological features of the state and the law of the transitional period in the modern history of Russia.

Key words: social system, type of state, system methodology, system, nonsystem, intersystem, integrity, relativity, transitional period.

Изучение сущности государства и права, особенностей их функционирования в переходных исторических ситуациях невозможно без определения базового метода исследования. В нашем случае таким методом исследования выступает общенаучный системный метод. Необходимо отметить, что применение системной методологии в юриспруденции не яв-

ляется абсолютно новым явлением. Однако достаточно традиционно использование системного метода предполагает рассмотрение государства и права лишь как «целостных явлений» и «сложных системных образований», взаимосвязанных между собой¹. В связи с этим хотелось бы остановиться не только на общепринятых постулатах, но и выйти за их рамки, чтобы ответить на ряд принципиальных методологических вопросов:

– В чем заключается принципиальная разница между стабильной (системной) и переходной (межсистемной) исторической ситуацией?

– Какое влияние оказывают данные исторические ситуации на проявляемую сущность и функционирование государства и права?

– Если государство и право всегда «целостные явления», то правомерно ли выделять особый тип государства и права переходного периода?

– Существуют ли отличительные особенности системных изменений в государственной и правовой надстройке при переходе от одной общественной системы к другой?

Ответы на поставленные вопросы могут быть найдены в процессе анализа не только имеющихся подходов в системной методологии, но и в рассмотрении некоторых аспектов в развитии самой государственно-правовой надстройки переходного периода. В связи с этим сопутствующими методами исследования будут выступать исторический и сравнительно-правовой. Данные методы позволят применить основные положения системной методологии в историческом контексте в процессе выделения общих черт государства и права переходного периода, а также в процессе сравнения государственно-правовой надстройки в двух переходных исторических ситуациях (февраль-октябрь 1917 г. – конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.).

Основные положения отечественной системной методологии

Первоначально необходимо обратиться к базовым положениям отечественной системной методологии. В работах И. В. Блауберга, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина на основе общепhilosophического метода материалистической диалектики акцентируется внимание на главном признаке любой системы – ее целостности. Авторы полагают, что «порождение свойств целого» возможно только из свойств, взаимосвязанных элементов и, наоборот, «порождение свойств элементов возможно из характеристик целого»². Выделяется также важное свойство любой системы – наличие источника ее преобразований в ней самой. Поэтому теоретически допускается возможность проявления «индивидуальных характеристик и степеней свободы» у каждого элемента системы³. Но, какова степень этой свободы, относительно чего она может проявиться внутри системы, каким образом одни системообразующие элементы начинают отвергаться

¹ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2002. С. 20.

² Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 16.

³ См.: Там же. С. 17.

другими – представители данного направления в системной методологии не дают ответа на указанные вопросы.

Обращаясь к работам Людвиг фон Берталанфи, В. Н. Садовский солидаризируется с австрийским ученым по поводу необходимости выделения «формальных системных свойств»: целостности, суммативности, механизации, централизации, иерархичности построения⁴. Берталанфи предположил, что если «целостность» как свойство системы проявляется в воздействии на все ее элементы, то это объективно ведет к изменению самой системы. Обнаруженная «суммативность» системы одновременно проявляется в зависимости от «изменения любого элемента от него самого» и «изменения всей системы от суммы изменений независимых друг от друга ее элементов»⁵.

На основе выводов Берталанфи в системной методологии появилась идея о существовании линейных и нелинейных систем. Именно «нелинейные системы могут иметь множество неустойчивых стационарных состояний, которые находятся в отношении альтернативности»⁶. Таким образом, сторонники системной методологии связывают «линейные системы» с их целостностью и стабильностью существования, а «нелинейные системы» – с неустойчивостью, многовариантностью развития.

Неоспоримым является тезис и о том, что целостность как свойство стабильной системы отражается в «единстве формы и содержания», в сохранении зависимости ее частей⁷. Поэтому основой целостности является «качественная определенность предмета»⁸. Но в данном исследовании нас интересует вопрос о причинах, способствующих изменению этой «качественной определенности». Деление систем на «линейные» (стабильные), «нелинейные» (нестабильные) не позволяет понять причины и сущность переходности.

Более глубокое понимание сущности любой системы и таящихся в ней объективных противоречий, мы находим в работах А. И. Умова, критикующего как узкую трактовку системы («система как совокупность взаимодействующих объектов»), так и широкую (когда «все предметы оказываются системами») ⁹. А. И. Умов полагает, что для определения системы необходимо использовать категории «вещи», «отношения» и «свойства». Анализ данных категорий выводит исследователей на основной методологический вопрос: «какие именно свойства делают отношения системообразующими?»¹⁰. Описание системы через категорию «отношения» при-

⁴ См.: Садовский В. Н. Людвиг фон Берталанфи и развитие системных исследований в XX веке // Системный подход в современной науке. М., 2004. С. 16.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ См.: Сетров М. И. Принципы системности и его основные понятия // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 54.

⁸ Там же.

⁹ Умов А. И. Людвиг фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке. М., 2004. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 39.

водит автора к пониманию наличия свойства «относительности» у любой системы. Выводится также тезис о том, что «одна и та же совокупность объектов может быть системой по одному концепту и не быть системой по другому концепту»¹¹. Таким образом, признание наличия свойства релятивности у любой системы помогает осознать диалектическую парадигму – «любая система есть тождество с собой и свое собственное отрицание, есть одновременно система и не-система»¹². Необходимо отметить, что данный постулат тоже не является абсолютно новым. Еще Гегель выделял «двойное преломление... целокупной рефлексии» изучаемого понятия: «вовне, рефлексия в другое, и ... внутрь, рефлексия в себя»¹³.

Д. Г. Красильников в процессе анализа разных точек зрения в отношении методологической характеристики сущности системы приходит к выводу о наличии у любой системы двух свойств: «системности» и «несистемности»¹⁴. Такое представление о системе стало возможным, благодаря выделяемому А. И. Уемовым системному свойству – релятивности. По мнению Д. Г. Красильникова, в отношении самой себя «система выступает именно как система, как некое особое качество». Вместе с тем данная система, все ее элементы и подсистемы «в отношении другого системного качества... выступают как несистемность, ибо отрицают его»¹⁵.

Государство и право являются надстроечными подсистемами (элементами) той или иной общественной системы. Благодаря системной методологии представляется возможным изучение свойств данных подсистем в условиях качественного перехода одной общественной системы к другой. Категории «системности» и «несистемности» помогают анализировать существование, развитие, кардинальное изменение конкретной общественной системы и ее подсистем (в том числе государственно-правовой надстройки) как «процесс становления системного качества через столкновение и борьбу... с элементами несистемными»¹⁶. Парадокс, связанный с вызреванием несистемных элементов внутри качественно-определенной общественной системы, развитие этих ино-системных элементов в качестве доминантов, наиболее наглядно объясним в процессе сравнения двух переходных ситуаций в истории России новейшего времени.

О переходных периодах и типологии государства и права

В рамках данного исследования нас интересуют переходные ситуации в истории России новейшего времени (февраль-октябрь 1917 г. – конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.), характеризующиеся отсутствием целостной общественной системы. В таких исторических ситуациях вместо

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Красильников Д. Г. Межсистемные политические ситуации в XX веке : проблемы теории и истории. Пермь, 2001. С. 35.

¹³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3 : Философия духа. М., 1977. С. 39.

¹⁴ См.: Красильников Д. Г. Указ. соч. С. 35.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 36.

проявления единства и упорядоченности наблюдается сосуществование элементов как минимум двух противоположных общественных систем, не обладающих одним из базовых системных качеств – целостностью. Старые «детерминанты, закономерности развития перестают действовать, а новые... еще только формируются и не распространяются»¹⁷ на весь круг общественных отношений. Альтернативность развития исторического процесса, включая государственно-правовую надстройку, в этом случае неизбежна.

Современные трактовки переходных ситуаций отличаются во многом по объекту исследования. В отношении государства и права авторы, как правило, выделяют особые черты, свойственные их развитию в переходный период. Я. В. Бакарджиев рассматривает переходный период как «процесс радикальной трансформации ее государствообразующих систем (политической, правовой, экономической, социальной и т. д.), т. е. переход этих систем от одного состояния (исторического типа или модели общественного устройства) к качественно новому состоянию...»¹⁸. С. В. Поленина определяет переходный период как «время, когда правовая надстройка претерпевает существенные изменения, в основе которых лежит коренная трансформация экономической, политической и социальной сфер жизни страны»¹⁹. Н. С. Малейн выделяет в качестве особенности переходного периода сосуществование «элементов прежнего, настоящего и будущего общественного строя»²⁰.

Более глубокая трактовка переходных процессов обосновывается в работах В. В. Сорокина, также обращающего внимание на «коренные качественные преобразования» в данный период, связывая их со сменой общественно-политического строя²¹. Однако В. В. Сорокин считает, что «переходному состоянию не соответствует определенный переходный тип государства, поскольку переходное государство не имеет признака типологической завершенности»²². На основании данной логики отрицается и «типологически однородная, качественно определенная правовая система»²³.

С общеправовой позиции Д. Г. Красильников предлагает характеризовать подобные переходные ситуации как «межсистемные». Под «межсистемностью» автор понимает то, «что частично соответствует «конкурирующим» системным качествам и не соответствует им»²⁴. Д. Г. Красильников настаивает на рассмотрении переходности «как системы»,

¹⁷ Красильников Д. Г. Указ. соч. С. 37.

¹⁸ Бакарджиев Я. В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 4 (41). С. 69.

¹⁹ Закон в переходный период : опыт современной России (круглый стол) // Государство и право. 1995. № 10. С. 28.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ См.: Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода : учебник. Барнаул, 2007. С. 103.

²² Там же. С. 137.

²³ Там же. С. 268.

²⁴ Красильников Д. Г. Указ. соч. С. 38.

обладающей «самостоятельным качеством». Осмысление данного парадокса строится на понимании «диалектического противоречия системности и несистемности как двух свойств любой системы»²⁵. Таким образом, обладая этими свойствами, любая система при определенных обстоятельствах теоретически может прийти к саморазрушению. Многое зависит от целеполагания системных и несистемных элементов, от степени соответствия их тактической и стратегической направленности, от качественного доминирования в обществе. Если в структурированной целостной системе доминант системных качеств подавляют несистемные, то в переходной (межсистемной) ситуации доминирование системного-несистемного качества отсутствует. Более того, каждый из элементов систем (по отношению к себе) и несистем (по отношению к своей противоположности) одновременно. Данная точка зрения с позиции объективных законов диалектики выглядит более убедительно.

В связи с этим встает необходимость пересмотра доминирующего подхода в отечественной теории государства и права о нежелательности выделения особого типа государства и типа правовой системы переходного периода. Обратная точка зрения присутствует в работах В. М. Якушина, В. Е. Гулиева, Д. И. Чеснокова, М. В. Захаровой. В данном методологическом вопросе важно определиться с типологическим критерием. В стабильной общественной системе типологическая чистота государства и права определяется доминирующими системообразующими факторами: базовым экономическим укладом, стратегическим развитием государственно-правовой надстройки в соответствии с данным укладом. В переходный период данная типологическая чистота отсутствует. Но проявляется другой типологический критерий, характеризующийся повторяемостью и устойчивостью: одновременное соответствие и несоответствие (отрицание) элементов государственно-правовой надстройки стратегическому развитию двух (а иногда и более) конкурирующих общественных систем. Таким образом, в процессе развития системной методологии, признавая «межсистемную» переходность как особое качественное состояние, актуализируется выделение межсистемного типа государства и права. В этом случае не целостность, а релятивность (относительность) будет являться определяющим качеством анализируемых общественных систем. Соглашаясь с определением «межсистемности» Д. Г. Красильникова, можно проследить как отличительные особенности, так и типологическую повторяемость межсистемного типа государства и права в историческом контексте.

Применительно к государственно-правовой надстройке, переходная (межсистемная) ситуация может проявляться через смену общественно-политического строя (как следствие – конституционного строя) и внесение изменений в правовую идеологию (как следствие – будет кардинально меняться не только система законодательства, но и содержание самой правовой системы, а значит, и сущности права).

²⁵ Там же. С. 39.

Таким образом, общей (родовой) типологической чертой государственно-правового механизма переходного периода является полное или частичное (формируемое в процессе развития) соответствие его элементов базисному развитию одной общественной системы (свойство системности) и стратегическое отрицание конкурирующей общественной системы с возможностью временного (тактического) ее принятия (свойство не-системности). Данная типологическая черта может вариативно проследиваться в отечественном историческом контексте.

Некоторые особенности функционирования отечественной государственно-правовой надстройки в феврале-октябре 1917 г.

В истории России переходная (межсистемная) ситуация наблюдалась дважды: в феврале 1917 – начале 1918 г. и в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Остановимся лишь на некоторых аспектах анализа государства и права в эти периоды, опираясь на выделенные принципы системной методологии. Следует отметить, что помимо проявления общей типологичности, наблюдались отличительные особенности функционирования государственно-правовой надстройки в условиях двух «межсистемных» ситуаций.

В 1917–1918 гг. формирующаяся советская общественная система боролась с остатками как феодальной (самодержавной) системы, так и буржуазной. В конце 80 – начале 90-х гг. происходило разрушение советской общественной системы и формирование плюралистической (рыночной) системы. В обоих случаях первоначально трансформировалась государственно-политическая система и как следствие вносились качественные изменения в систему права и систему законодательства, что неизбежно приводило к изменению содержания всей правовой системы.

Многоукладность общественной системы в условиях самодержавия увеличивала вариативность ее развития в период двоевластия. Стоит согласиться с мнением Г. А. Герасименко, оценивающего Временное правительство и Петроградский совет как «центры притяжения и отталкивания различных слоев населения... Борьба за власть между ними была неизбежной»²⁶. Многоаспектность этой борьбы усиливалась наличием разнородных общественно-политических блоков – от буржуазно-помещичьего до леворадикального, принимавших в той или иной степени участие в государственно-властных структурах или в системе местного самоуправления. Г. А. Герасименко справедливо отмечает, что в «условиях революции власть на местах находилась в подвижном, неопределенно-переходном (многовариативном. – Д. Е.) состоянии. За нее боролись самые различные организации и учреждения: общественные исполнительные комитеты, комиссары Временного правительства, советы, городские думы, земские управы и т. д. В одних местах было полное безвластие, в других – власть оказывалась в ведении какого-либо органа,

²⁶ Герасименко Г. А. Исторический выбор // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севастьянова. М., 2005. С. 9.

в третьих – двоевластие, в четвертых – троевластие, а в пятых – претендентов на власть было столько, сколько более или менее активно действовало организаций и учреждений»²⁷.

Указанная многовариативность зародилась еще внутри буржуазно-самодержавной общественной системы по Своду основных государственных законов от 23 апреля 1906 г., закрепившего ограниченную конституционную монархию дуалистического типа. Наличие в составе всех четырех созывов Государственной Думы фракции от социал-демократической рабочей партии подтверждает мнение Д. Г. Красильникова о необходимости выделения двух свойств любой системы – системности и несистемности. Их взаимообусловленность и одновременная конфронтация привели к качественному скачку в развитии буржуазно-самодержавной общественной системы – свержению самодержавия и установления периода двоевластия. Однако если в условиях системной исторической ситуации 1906 – начала 1917 г. действовал единый механизм государственного управления, правовая система обеспечивала его упорядоченность и устойчивость, имеющиеся несистемные элементы не были доминирующими, то в переходный (межсистемный) период двоевластия системные и несистемные элементы приобретают качественно иное в отношении друг друга: каждый из элементов был системен в отношении себя и несистемен в отношении другого; целостность внутри элементов, подсистем отсутствовала; ни один из государственно-властных центров (Временное правительство и Петроградский совет) не могли в полном объеме реализовать свои властные полномочия.

С. Г. Кара-Мурза, отмечая уникальность русской революции 1917 г., выделяет проявление в ней «формирования двух типов государственности – буржуазно-либеральной республики и советской власти»²⁸. Отсутствии системной самодостаточности способствовало тактическому объединению разнонаправленных политических сил. Так, 2 марта 1917 г. П. Н. Милоков в своей речи на митинге в честь образования Временного правительства отмечал важность объединения кадетов с «правыми» ради решения общей задачи – «создать новую народную власть на месте старой»²⁹. В той же речи бывший член Временного комитета Государственной Думы охарактеризовал А. И. Гучкова как своего «политического врага в течение всей жизни Государственной Думы», с которым он готов сотрудничать ради выполнения указанной задачи³⁰. Подобная позиция прослеживалась и в тактических действиях партии эсеров, которая под-

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ *Кара-Мурза С. Г. Партии в 1917 году. От февраля к октябрю // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севастьянова. М., 2005. С. 296.*

²⁹ *Революционное движение в России после свержения самодержавия / под ред. Л. С. Гопоненко. М., 1957. С. 411.*

³⁰ *Об образовании Временного правительства : речь члена Временного комитета Государственной Думы П. Н. Милокова на митинге в Таврическом дворце // Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 412.*

держивала Временное правительство, «оставляя за собой право изменить свое отношение к нему при отклонении от выполнения намеченной им программ»³¹. Таким образом, тактическая и стратегическая направленность общественно-политических сил в условиях двоевластия не совпадала. Это объективно проявлялось на уровне принятия государственно-политических решений как со стороны Временного правительства, так и со стороны Петроградского совета. Поскольку Временное правительство и Петроградский совет были неоднородными по своему составу, то даже в стратегической направленности общественно-политических сил, представленных в них, не было системного единства.

В целом степень стихийности в обществе, механизме государственного управления, правовой сфере в феврале-октябре 1917 г. была значительно выше, чем в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. По-видимому, это связано с большей экономической и политической многоукладностью разрушающейся буржуазно-самодержавной общественной системы. Неуправляемость ситуацией прослеживалась уже в первых циркулярах Временного комитета Государственной Думы. Например, одной из задач комитета объявлялось создание организационных начал в стихийном народном движении – «В организации – спасение и сила. Слушайте Временный комитет Государственной Думы»³².

Институт комиссаров Временного правительства также не способствовал централизации в системе государственного управления. Несмотря на наделение комиссаров функциями «надзора за законностью деятельности всех лиц и мест», включая «начальников милиции»³³, властные решения Временного правительства не всегда реализовывались на местах. Стихийность в принятии решений прослеживалась на всех уровнях. Например, из постановления Временного правительства от 3 апреля 1917 г. очевиден факт «произвольного смещения на заводах и предприятиях технического персонала» рабочими³⁴. Месяцем раньше Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов призвал «устранить это Временное правительство либеральной буржуазии и объявить себя Временным революционным правительством»³⁵.

³¹ О доверии Временному правительству : резолюция конференции петроградских социалистов-революционеров от 2 марта 1917 г. // Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 415.

³² Великие дни российской революции // Бюро российской прессы. Пг., 1917. URL: <http://agitclub.ru/hist/1917fevr/revolution1917.htm> (дата обращения: 09.02.2018).

³³ Телеграмма председателя Временного правительства Г. Е. Львова губернским комиссарам об их правах и обязанностях от 1 апреля 1917 г. // Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 449.

³⁴ О недопустимости смещения рабочими администрации предприятий : постановление Временного правительства от 3 апреля 1917 г. // Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 450.

³⁵ Резолюция Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от 3 марта 1917 г. // Там же. С. 458.

Таким образом, полноценной системы органов государственного управления в период двоевластия не было и не могло быть создано. Отказ от прежнего конституционного устройства, предусмотренного Сводом основных государственных законов от 23 апреля 1906 г., и как следствие – отсутствие какого-либо конституционного акта (хотя бы временного) не способствовали созданию доминирующей системности в области государственного управления. Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. не содержала в себе стратегических системных правовых идей по поводу будущего конституционного устройства. Поэтому указанный документ нельзя отнести к серии конституционных актов.

В научной и публицистической литературе происхождение власти Временного правительства в большинстве своем выводится из актов Николая II от 2 марта 1917 г. «Об отречении от престола» и Михаила Романова от 3 марта 1917 г. «Об отказе от трона». Но с юридической точки зрения принятие подобных решений не было предусмотрено Основными законами Российской империи. Отсутствие формально-юридической легальности власти Временного правительства также ослабляло наращивание определенных системных качеств в государственной политике данного органа.

И. Г. Церетели, давая оценку всем обращениям Временного правительства, объективно отмечал, что «оно ищет опоры не в физической (формально-юридической. – Д. Е.), а в моральной силе»³⁶. Такое идеалистическое представление о государственных функциях усиливало размытость системной направленности Временного правительства и, наоборот, способствовало постепенному структурированию элементов, направленных на стратегическое развитие советской общественной системы.

Хаос в государственно-политической сфере в какой-то степени компенсировался сохранением многих законодательных актов императорской России, отмена которых должна была произойти постепенно после созыва Учредительного собрания. Возможность применения дореволюционных законов, не противоречащих революционному правосознанию, подчеркивает стабилизирующий характер права и более длительный процесс системных изменений в нем в условиях продолжающегося переходного периода после социалистической революции 1917 г.

**Некоторые особенности функционирования отечественной
государственно-правовой надстройки в конце 80 –
начале 90-х гг. XX в.**

Несколько иная переходная (межсистемная) ситуация в отношении механизма государственного управления складывалась в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. В отличие от плюралистической, многоукладной общественной системы начала XX в. советская общественная система носила монистический характер. Поэтому переходная (межсистемная) ситуация конца 80 – начала 90-х гг. XX в. была связана с разрушением политического, экономического монизма и процессом формирования плюрали-

³⁶ Церетели И. Г. Кризис власти. М., 1992. С. 45.

стической политической и экономической систем. Данный фактор способствовал более низкой степени хаоса в государственно-политической сфере. Монизм в области политики и экономики разрушался постепенно, на основе конституционных реформ. Если в период двоевластия отсутствовал официальный конституционный акт, то в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. формально юридически продолжала действовать Конституция СССР 1977 г. Несистемные институциональные элементы, которые в последующем разрушат советскую общественную систему, вводились в действующую союзную конституцию постепенно и легально.

Анализ этапов конституционной реформы не является предметом данного исследования. Остановимся лишь на некоторых конституционных актах того времени, чтобы показать, что данная общественно-политическая ситуация вписывается в «межсистемную». Это необходимо сделать в силу того, что не все современные исследователи указанного переходного периода связывают его с кардинальной сменой общественно-политической системы. По мнению В. В. Сорокина, «политические реформы 1985–1990 гг. ... не представляли собой глубоких и качественных изменений общественно-политического строя (в отличие от февраля-октября 1917 г. – *Д. Е.*), так как прежняя модель властеотношений сохранялась»³⁷.

На наш взгляд, уже первая союзная конституционная реформа, начавшаяся 1 декабря 1988 г., заложила основы качественных системных изменений. Закон об изменениях и дополнениях Конституции СССР и закон о выборах народных депутатов СССР оказали прямое влияние на последующее разрушение системы государственного управления в СССР. В качестве высших органов государственной власти СССР вместо одного Верховного Совета СССР учреждалось сосуществование двух органов – Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. На основе внесенной поправки в ст. 108 действующей Конституции СССР, Съезд становился высшим органом государственной власти, что давало ему право принимать к своему рассмотрению и решать любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР. Поправка к ст. 111 закрепляла за Верховным Советом СССР функции постоянно действующего законодательного и контрольного органа государственной власти СССР, избираемого Съездом из числа народных депутатов СССР (и подотчетного ему. – *Д. Е.*)³⁸.

Если обращение к съездовской системе строилось во многом на основе советской государственно-правовой традиции, то новые принципы формирования Верховного Совета на беспартийной и партийной основе, а также наделение его постоянными законодательными полномочиями превращали данный орган в прообраз будущего парламента по европей-

³⁷ Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода : учебник. Барнаул, 2007. С. 29.

³⁸ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР : закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-ХІ // Ведомости Верховного Совета СССР. (далее – Ведомости ВС СССР). 1988. № 49. Ст. 727.

скому образцу. Закрепление дублирования законодательных полномочий на уровне Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, с одной стороны, является сохранением советской правовой традиции 18–20-х гг. XX в., а с другой – проявлением переходных процессов в государственной надстройке. Исключение из ст. 6 Конституции СССР положения о руководящей и направляющей роли КПСС³⁹, позволило формировать данные выборные органы на широкой многопартийной основе. Все это поначалу способствовало созданию временного баланса между системными и несистемными политическими силами. Поэтому не всегда решения Верховного Совета СССР соответствовали решениям Съезда народных депутатов СССР и наоборот.

Учреждение поста Президента СССР на основе ст. 127 Конституции СССР как Главы Советского государства, гаранта соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов СССР⁴⁰ качественно меняло структуру механизма (аппарата) государства, так как данный институт не являлся типичным для советской общественной системы.

В условиях процесса «суверенизации» союзных республик была сделана попытка усиления власти Президента СССР. На основе п. 4 ст. 127 от 26 декабря 1990 г. Закона СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» предусматривалось главенство Президента в системе органов государственного управления для обеспечения их взаимодействия с высшими органами государственной власти СССР⁴¹. Правительство СССР – Совет Министров СССР – на основании ст. 128 переименовывался в Кабинет министров СССР. Сохраняя исполнительно-распорядительные полномочия, данный орган находился в прямом подчинении Президента СССР⁴².

Однако попытки усилить вертикаль союзной государственной власти не увенчались успехом. Указанный фактор объясняется особенностями переходной (межсистемной) ситуации конца 80 – начала 90-х гг. XX в.

Во-первых, конституционная реформа, преследующая цель реформировать советскую общественную систему, радикальным образом ее изменила, легализовав несистемные для нее институты: институт президентства на выборной основе; парламентскую систему на многопартийной основе; институт ответственного правительства (Кабинета министров) перед Съездом народных депутатов; лишение Комитета конституционного надзора СССР права осуществлять наблюдение за конституциями и

³⁹ Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР : закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-I // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления : закон СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-I. URL: http://Constitution.garant.ru/DOC_85464.htm (дата обращения: 10.02.2018).

⁴² Там же.

законами союзных республик. Это существенный, но неполный перечень качественных системных изменений на конституционном уровне.

Во-вторых, кризис советской общественной системы был напрямую связан с кризисом в КПСС, утратившей политическую монополию на власть. Но разрушение советской общественной системы началось с процесса инициирования со стороны КПСС политики «гласности» и внесения изменений в Конституцию СССР 1977 г. Таким образом, несистемные элементы, отрицающие советскую общественную систему, зародились не только в обществе, но и, прежде всего, в самой КПСС, которая пронизывала всю вертикаль государственно-политической системы, вторгаясь и в область иных общественных отношений. В отличие от переходной ситуации февраля-октября 1917 г., «изменения системы в СССР первоначально начались при отсутствии массовых настроений»⁴³.

В-третьих, изменение экономической основы советской общественной системы было инициировано на уровне республиканского законодательства с подачи союзной власти. В рамках конституционной реформы 1990 г., из Конституции СССР исключались положения о социалистической собственности как экономической основы союзного государства⁴⁴. Ранее нами уже отмечалась политическая несостоятельность союзных органов государственной власти, одним из проявлений которой была правовая идеология уступок⁴⁵. Так, Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» в п. 3 ст. 4 позволял союзным и автономным республикам устанавливать «иные, не предусмотренные настоящим Законом, формы собственности»⁴⁶. Союзные республики, воспользовавшись предоставленным правом, достаточно быстро стали вносить изменения в свое гражданское законодательство, в том числе закрепляя право частной собственности на различные виды объектов недвижимости⁴⁷. Таким образом, если в условиях уже существовавшей многоукладной экономики февраля-октября 1917 г., вопрос о внесении изменений в правовое регулирование права собственности откладывался Временным правительством до Учредительного собрания, то в переходный период конца 80 – начала 90-х гг. он решался на уровне как конституционного союзного законодательства, так и республиканского. Слабость союзной государственной

⁴³ *Ольшанский Д. В.* Массовые настроения и их функционирование в политических процессах : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1990. С. 14–15.

⁴⁴ Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР : закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

⁴⁵ См.: *Дерябина Е. С.* Особенности отечественного гражданского законодательства в конце 80 – начале 90-х гг. XX века // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2015. Вып. 4 (30). С. 8.

⁴⁶ URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/1126 (дата обращения: 07.05.2018).

⁴⁷ О собственности на территории РСФСР : закон РСФСР от 14 июля 1990 г. URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp/1126 (дата обращения: 07.05.2018) ; О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов РСФСР в условиях перехода к рыночным отношениям : закон РСФСР от 21 ноября 1990 г. № 343-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 322.

власти после конституционных реформ конца 80 – начала 90-х гг. XX в. способствовала ускорению процесса формирования несистемных элементов в государственном аппарате, правовой политике союзных республик. Данные процессы неизбежно приводили к разрушению союзного государства и оформлению новых государственных образований.

Общие типологические черты государства и права переходного периода

Несмотря на разницу происходящих общественных процессов, в описываемых двух исторических ситуациях прослеживаются некоторые общие черты государства и права переходного периода, с учетом выделенного ранее типологического (родового) критерия.

Во-первых, начало системных изменений проявлялось в качественном реформировании государственного механизма, что объективно способствовало изменению формы правления, а в последующем и формы государственно-политического режима.

Во-вторых, в основу как официального, так и общественного право-понимания была положена преимущественно естественно-правовая теория. Декларативное обращение к основным концептам данной теории наблюдалось как в феврале-октябре 1917 г., так и в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. По мнению Ю. Хабермаса, именно в условиях революционных изменений «формируется чувствительность к легитимному притязанию маргинализированных и непривилегированных групп населения (к естественным правам и свободам. – Д. Е.), которые хотят быть включенными в либеральные жизненные отношения»⁴⁸. На данную особенность обращает внимание и В. В. Сорокин⁴⁹.

В-третьих, фрагментация государственной власти усиливала органы власти на местах: до принятия Конституции РСФСР 1918 г. местные сельские советы признавали незаконными некоторые решения вышестоящих советских органов власти; в годы перестройки республиканские органы власти могли не признавать решения союзных органов.

В-четвертых, несанкционированное правотворчество на местах, неисполнение нормативных актов, принимаемых верховной властью – было возможным из-за неработающей системы правовых средств государственного принуждения.

В-пятых, быстро меняющиеся общественные отношения опережали их правовое регулирование. Поэтому в переходные периоды, как правило, издавались временные правовые акты. Большой массив таких актов усложняло их применение.

В-шестых, несмотря на преобразующий характер правового регулирования, в переходные периоды действовало значительно число коллизионных правовых норм.

⁴⁸ Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М., 2013. С. 39.

⁴⁹ См.: Сорокин В. В. Своеобразие российского права в переходный период // Известия Алтайского гос. ун-та. 1999. № 2 (12). С. 89.

В-седьмых, первоначально публично-правовая сфера для законодателя являлась более приоритетной, чем частно-правовая. Поэтому наблюдалось противоречие между декларативным закреплением основных естественно-правовых идей и возможностью их реализации гражданами.

Безусловно, выделяемые типологические черты государства и права переходного периода не являются исчерпывающими. Дальнейшее изучение различных областей правового регулирования может привести к более глубокому осмыслению особенностей государства и права в условиях смены общественных систем.

Переходные процессы объективно оказывают влияние на качественно иное функционирование механизма государства и права. Но, как правило, системные изменения начинаются либо с реформирования, либо с кардинальной ломки государственно-политических институтов. В подобном случае право больше выполняет обслуживающую роль. Во многом это связано с тем, что осмысление и закрепление меняющихся общественных отношений требует определенного времени. Необходимо также отметить, что право более консервативно в отличие от государственно-политической системы. Данное свойство права, с одной стороны, может тормозить происходящие системные изменения, а с другой – временно обеспечивать функционирование качественно меняющейся государственно-политической и правовой надстройки посредством сохранения некоторого преимуществва. Изучение особенностей сущности права как ядра правовой системы в переходные периоды является самостоятельным предметом научного исследования.

Таким образом, применение системной методологии в совокупности с историческим и сравнительно-правовым методами возможно не только при описании целостных, стабильных систем, но и в процессе осмысления качественных изменений в государственно-правовой надстройке переходного (межсистемного) периода. Принципиальная разница подходов касается не формы, а содержания в использовании категориального аппарата системной методологии. Категории «системность», «несистемность», «межсистемность» помогают осуществить более глубокий анализ государства и права в процессе смены общественных систем путем выделения как общих (родовых) типологических черт, так и исторических особенностей.

Пермский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Дерябина Е. С., кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-го и предпринимательского права

E-mail: esderyabina@mail.ru

Тел.: 8-982-460-34-73

National Research University «Higher School of Economics» (Perm Branch)

Deryabina E. S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Civil and Business Law Department

E-mail: esderyabina@mail.ru

Tel.: 8-982-460-34-73